

Восемь свечей только для своих

Празднование Хануки в СССР было, как сейчас говорят, челленджем. Власть косо смотрела на граждан еврейской национальности, которые изучали запрещенный иврит и устраивали религиозные церемонии. Люди, которые хорошо помнят, как это было полвека назад, вспомнили для нас про подсвечники из хлеба, советский ханукальный стол и визиты милиционеров на свет праздничных свечей

Первый и главный атрибут Хануки, естественно, ханукия. Восьмисвечники разных размеров и стилей давно не редкость в еврейских общинах всего СНГ, но полвека назад они, как и любые другие ритуальные предметы, были запрещенным дефицитом. Чтобы обзавестись ханукией, основатель издательства «Гешарим/Мосты культуры» Михаил Гринберг воспользовался личными связями. Его приятель работал в отделе металлов Института реставрации при Министерстве культуры и специализировался на бронзе. Он изгото-

вил для Гринбергов подставку для свечей, а потом и традиционный волчок-дрейдл («Невероятно тяжелый, но без букв», — вспоминает Гринберг). Генеральный секретарь Евро-Азиатского еврейского конгресса, профессиональный этнограф и востоковед профессор Михаил Членов в годы застоя был одним из активистов еврейского подполья. Во-первых, он выучил и преподавал иврит; во-вторых, у него была настоящая жестяная ханукия, которую привез кто-то из туристов. Одна незадача: купить тонкие ханукальные свечи

было негде, и на импортный светильник он насаживал обычные хозяйственные. До появления драгоценного подарка Членов с друзьями изготавливал импровизированные ханукии из хлеба: «Придавали мякишу нужную форму, наливали масло, самостоятельно делали фитилек». После зажигания свечей Членов с друзьями играли в дрейдл: в центр стола ставили вазу с мелкими

деньгами, участники по очереди крутили волчок. «Это была простая игра, но нам, взрослым людям, было крайне приятно». Программист, общественный деятель и переводчик русской поэзии на иврит Зеэв Гейзель отмечает, что в его окружении тоже были люди, которые самостоятельно мастерили и ханукию, и свечи: «Точно помню, что художник Мордехай Липкин этим

занимался. Брал стеарин, разрезал, вставлял скрученную из ваты ниточку. Это, кстати, не самое удивительное изобретение в истории нашего народа. Я видел фотографию: именные евреи выдолбили углубления в горах, чтобы справлять Хануку. Гейзель зажигал свечи на подоконнике, несмотря на опасения своей мамы: «В 1950-х она пережила «дело врачей», будучи как раз врачом

в Архангельске. Мы жили в Моново, это военный городок, и мама боялась, что мои свечи увидят снаружи». Сам Зеэв побывал в милиции после празднования Суккота у приятеля, который жил на первом этаже и построил под окном шалаш. Причина задержания — незаконное строение. Популяризатор иудаизма и переводчик религиозной литературы Реувен Пятигорский

ФОТОГРАФИИ — ИЗ АРХИВА НАТАЛЬ БРУСОВИЧ (САРА)

10 лет провел «в отказе». Хануку он праздновал в доме у Люсика Юзефовича, одного из известных московских активистов, который ор-

«Снаружи дико холодно, пар, шубы, заиндевшие окна. Кажется, что твой мир — внутренний, освещенный, а снаружи всё холодное и чужое»
Натан Брусовани

ганизовал еврейскую воскресную школу. Ханукальный светильник представлял собой обычную доску, на которую крепились свечи, и нужно было пристально следить, чтобы не случилось пожара. В других домах использовали «картофельный вариант»: в сырых картофелинах делали углубления, наливали туда масло и опускали фитиль. Фотохудожник Натан Брусовани (Бар), который в советское время занимался копированием и распространением еврейского религиозного самиздата, прикреплял ханукальные свечи прямо на подоконник. Однажды стекло треснуло и выпало, прохожие увидели в окне пляшущие языки огня и вызвали пожарных. Брусовани вспоминает, как его поразила смелость московского хабадника Гершона Розенштейна: тот, согласно любавическому обычаю, ставил немалых размеров ханукию на лестничной

клетке у входа в квартиру, напротив мезузы. Для Брусовани Ханука была не только семейным, но и общественным праздником. Он участвовал в церемонии зажигания свечей у любавического хасида Александра Лукацкого, известного прихожанина синагоги в Марьиной Роще, а также посещал ханукальные спектакли, которые проходили в квартире учителя иврита Виктора Фульмахта. «Снаружи дико холодно, пар, шубы, заиндевшие окна. Кажется, что твой мир — внутренний, освещенный, а снаружи всё холодное и чужое», — вспоминает Натан.

Раритет под майкой

Перед зажиганием ханукальных свечей произносятся благословения на иврите, которые приведены в сидуре (молитвеннике). Первый сидур Натан Брусовани получил от брата — детский, сокращенный, с переводом на немецкий язык, — и благословения перед зажиганием ханукальных свечей в нем не было. Позже удалось достать нормальный молитвенник. А вот Реувену Пятигорскому несказанно повезло: у него был целый шкаф с еврейской религиозной литературой, включая и сидуры. «Книги мы возили из Риги рюкзаками, — делится ноу-хау Пятигорский. — Там есть центральная синагога, ее верхний этаж в советское время был закрыт, а на нем были залежи книг. Отдыхая на Рижском взморье, мы провели бар-мицву сыну, она стала первой в синагоге после войны. После этого нам позволили подняться на верхний этаж». Фолианты были изъедены червями. Среди них имелись и реликвии, например, книга Хафец-Хаима с его личной подписью — позже Пятигорский подарил ее раввину из Велико-

британии: «Вывозить из СССР ничего было нельзя, поэтому мой гость обернул книгу в целлофан и положил под майку». Начиная с 1970-х зарубежные туристы сами начали снабжать еврейских активистов молитвенниками и брошюрами про Хануку. «С нас, учителей иврита, был особый спрос, — вспоминает Михаил Членов. — Считалось, что мы должны знать абсолютно всё, что связано с еврейской жизнью, поэтому мы ежедневно изучали благословения и молитвы». Членов с 1973 года проводил пасхальный седер по всем правилам. Подаренная очередным визитером Пасхальная Агада служит ему уже полвека.

Иваны и эллины

Итак, радостно мерцают свечи — пора петь ханукальные песни. Реувен Пятигорский знал такие, как «А-нерот алалу» и «Маоз цур», благодаря старикам в синагоге на улице Архипова. «Мелодии были совсем другие, но пели они замечательно, — говорит он. — Жаль, что не пришло

«Мама пережила «дело врачей» и боялась, что ханукию, которую я устанавливал на подоконнике в военном городке, увидят с улицы»
Зеэв Гейзель

На яхте в Израиль

Советские дети всех национальностей росли с четким понятием о самоцензуре: есть анекдоты, которые в школе пересказывать нельзя, есть книги или кассеты, которые нельзя одалживать. В семьях отказников градус самоцензуры возрастал.

Дети Михаила Гринберга посещали подпольный еврейский детский сад, носили кипу под кепкой и прекрасно знали, о чем не стоит говорить со сверстниками. Прокол случился лишь однажды, когда Гринберги отдыхали на берегу Азовского моря. Четырехлетний сын посмотрел на яхту у причала и произнес: «На этой бы яхте да в Израиль!»

Дети Михаила Членова тоже понимали, что в школе можно, а что нельзя, и проявляли национальное сознание в допустимых рамках. «Дочь в классе в седьмом сделала доклад о восстании в Варшавском гетто», — приводит пример Михаил.

Дети Реувена Пятигорского волевым решением отца не посещали советские детские сады. Соответственно, проблем с фильтрацией увиденного и услышанного дома не было: «Мы выехали, когда сыну исполнилось шесть лет, а дочке — три».

в голову записать те нигуны на магнитофон». Михаил Гринберг с детства запомнил ханукальные песни на идише: знакомая семья, бабушка будущего кантора Московской хоральной синагоги Якова Бара, исполняла песню «Хануке, ой, Хануке, а йом-тов а шейнер». А напевам на иврите Гринберга и других активистов еврейского подполья научил некий парень из Дании. «Он приехал году в 1981-м, — вспоминает наш собеседник. — Нас познакомил Юлий Эдельштейн (организатор сети нелегальных ульпанов и будущий израильский политик. — Прим. ред.) с покойной женой Таней. Датчанин взял гитару, мы включили магнитофон. Он напел все субботние песни, а потом и ханукальные». Позже репертуар отказников расширила еще одна гостья, певица Сареле Шарон, которая аккомпанировала себе на фортепиано. Михаил Членов почерпнул праздничные напевы на собраниях общества учителей иврита, возникшего в 1970-х. Перед Песахом и другими большими праздниками проходили даже специализированные занятия, на которых учеников снабжали соответствующей литературой и музыкальными записями. Зеэв Гейзель изучал праздничные напевы по израильским кассетам. Их копировал отказник и преподаватель иврита Юлий Кошаровский, а потом переводил и разучивал их вместе с учениками. «Многие вместо «Йеваним никбецу алай» («греки собрались против меня») — отрывок из предпоследнего куплета «Маоз цур») пели «Иваним», то есть Иваны», — смеется Гейзель.

Минус пончики, плюс оливье

Согласно анекдоту, любой еврейский праздник сводится к трем формулам:

«Нас угнетали, мы победили, давайте поедим». Михаил Гринберг выучил ханукальное меню еще в детстве: «Ханука была одним из трех главных праздников. Я четко знал, что Рош ха-Шана — это яблоки с медом, Песах — маца, а Ханука — картофельные оладьи латкес». Кроме латкес, на столе у его родителей, а потом и у него самого всегда стояла фаршированная рыба. В праздничных вечеринках участвовали друзья, соседи, а также квартиранты, которые прятались у Гринбергов от компетентных органов. Пончики, главное израильское блюдо Хануки, Гринберги не готовили, зато латкес подавали в огромном количестве (если стол был без мясного — со сметаной). Натан Брусовани тоже вспоминает латкес как столп ханукального стола. А вот в семье Пятигорских были и пончики — «по всем правилам, жаренные в масле, с начинкой из повидла». Отец и дед Реувена Пятигорского были родом из Чернобыля и рассказывали, как праздновали Хануку в местечках. Сооружался лабаз — навес, под которым ставили столы и скамейки; семьи собирались и ели блины, которые считались даже важнее пончиков. Кстати, украинско-еврейские пончики, судя по воспоминаниям уроженца Одессы раввина Шаи Гиссера, были творческими. Зеэв Гейзель, который по давней привычке называет латкес картофельниками, тоже упоминает блины как второе по важности ханукальное блюдо. В некоторых московских семьях, добавляет он, изготавливали кошерное вино из изюма. «И конечно, был салат оливье. Без колбасы, потому что она некошерная. Салат оливье — это святое, как и селедка под шубой». По словам Зеэва, Ханука в застойной еврейской среде воспринималась прежде всего

как тусовка: «Свечи, песни, лекция, выпивка, закуска и беседы. Из этого, между прочим, получилось несколько браков — в хорошем смысле».

Милиция посреди урока

К отправлению религиозных и особенно иудейских обрядов советская власть относилась настроенно.

«Ханука была одним из трех главных праздников. В детстве я четко знал, что Рош ха-Ша на — это яблоки с медом, Песах — маца, а Ханука — картофельные оладьи латкес»

Михаил Гринберг

Но все наши собеседники воспринимали столкновения с ней исключительно философски.

К Членову и его коллегам по еврейской просветительской деятельности периодически навещали представители правоохранительных структур. «Типичный диалог выглядел так, — вспоминает Михаил: «У вас шумно». — «У нас не шумно». — «У вас горят какие-то огни». — «Потому что у нас такой обычай, до свидания». Дальше, по словам Членова, всё зависело от того, к кому пришли: если человек был кандидатом на посад-

ку, милиция не удовлетворялась подобным объяснением. Звонков в дверь Натан Брусовани не опасался: «Насколько я помню, специально из-за Хануки никого не прихватывали. Вот ворваться на урок иврита — это бывало, да». Зеэв Гейзель согласен по обоим пунктам. «У Иосифа Бродского на суде, как известно, спросили: «А кто признал вас поэтом?» Учителям иврита, которых брали на карандаш, задавали вопрос: «А у вас есть разрешение преподавать иврит?» Нежданных визитеров в лице милиции или просто любопытствующих соседей не боялся и Михаил Гринберг. Еврейской жизнью он жил, не особенно таясь: «Меня отчислили из института из-за хупы, а до того выгнали из комсомола за посещение синагоги. Мы с друзьями еще в юношеские годы решили, что диссидентствовать на площадях не станем, но и скрываться не будем». В 80-х Гринберг устроил во дворе курятник на 500 кур, гусей, уток и индюков, обучился шихте и начал поставлять мясо религиозным еврейским семьям. Дома висели мезузы. «Мы жили в Кузьминках, вокруг были одни алкоголики, — рассказывает Реувен Пятигорский. — К нам постоянно приходили друзья и знакомые, да и не было в горящих свечах особенной крамолы. Другое дело, когда запланировано обрезание, и тут в дверь звонит медсестра и интересуется, почему младенец привязан бинтами к подушке...»

Слабые против сильных

Согласно еврейской традиции, памятные исторические события повторяются снова и снова. В Мишне сказано, что в каждом поколении мы должны относиться к себе как к рабам, вышедшим из Египта. Ос-

нователь движения «Хабад» рабби Шнеур-Залман из Ляд призывал хасидов искать в недельных главах Торы намеки на происходящее в их собственной жизни. Для Михаила Членова основной урок Хануки — в последующем желании хасмонеев интегрироваться в мировую культуру: «Сегодня мы не видим ни древних египтян, ни ассирийцев, ни вавилонян. Евреям удалось не отказаться от собственных традиций, а облечь мировую культуру в еврейскую форму». По мнению профессора, синтез двух культур — эллинской и иудейской — помог евреям сохранить национальную идентичность. Михаил Гринберг, профессиональный историк, в 80-е написал длинную статью о несовместимости еврейской и греческой идеологии («Какой-то древний грек сказал, что мы-де понимаем и улучшаем этот мир при помощи математики, тогда как еврейская точка зрения принципиально иная. Это было центральной мыслью статьи»). Гринберг излагал свою теорию перед участниками раз-

«Я знал «А-нерот алаалу» и «Маоз цур» благодаря старикам в синагоге на улице Архипова. Мелодии были совсем другие, но пели они замечательно. Жаль, что не пришлось в голову записать те нигуны на магнитофон»

Реувен Пятигорский

ВЫЗОВ

Крутятся дрейдлы

Обычай играть в ханукальный волчок-дрейдл появился в XVI веке в Германии. Когда Ханука совпадала с Рождеством, по вечерам евреи старались лишний раз не попадаться на глаза коренному населению. В долгие домашние вечера после зажигания свечей они по очереди вращали четырехгранный дрейдл, позаимствованный у немцев. На каждой грани была изображена буква-вердикт.

Нун (от «ништ» на идише) — «ничего»

Дрейдл переходит к следующему игроку

Гимель («ганц») — «всё»

Игроку достается банк

Хей («халб») — «половина»

Игрок получает половину банка

Шин («штел») — «добавь монету»

Игрок докладывает в банк ставку

Обычно играли на мелочь, яблоки или орехи. На каком-то этапе буквы стали трактовать как аббревиатуру «Нес гадоль хайя шам» («Великое чудо было там»), поэтому на выпущенных в Израиле волчках вместо «шин» стоит буква «пей» — от «по» («здесь»). В некоторых хасидских общинах игра в дрейдл превратилась в сакральную практику, так как гематрия (числовое значение четырех букв) равна 358 и совпадает с гематрией слова «Машиах».

Рабби Цви-Элимелех Шапира из Динова обнаружил ханукальное четырехбуквенное сочетание в Торе. Праотец Яков послал сына Йегуду в землю Гошен, на иврите — «гошна». Согласно р. Цви-Элимелеху, Яков намекнул Йегуде, что сыновья Израиля пройдут через четыре изгнания: «нун» намекает на слово «нафши», духовное; «гимел» — «гуфани», физическое; «хей» — «хаколь», всё, всеобщее; и, наконец, «шин/син» — «сихли», интеллектуальное.

личных еврейских мероприятий, делая упор не только на религиозную, но и на историческую составляющую Хануки, в том числе гражданскую войну между маккавеями и эллинизированными соплеменниками. В 2014 году издательство Гринберга «Гешарим» подготовило к печати новый перевод четырех книг Маккавеев, снабдив его подробным комментарием, хронологическими таблицами и историческими картами. Гринбергу по душе трактовка Хануки, упомянутая в праздничной вставке к молитвам: победа слабых над сильными благодаря помощи свыше. «Понятно, что раввины неоднозначно относились к Хасмонейской династии. Маккавеи узурпировали государственную и священническую должности, поскольку не являлись потомками царя Давида. В конце концов они превратились в обычных восточных деспотов, отравлявших и казнивших неугодных», — подытоживает Михаил Гринберг. Зеэв Гейзель обращает внимание на культурный аспект праздника: «Греки не были нацистами: они хотели, чтобы существовал один народ с одной культурой. В СССР на словах развивали национальные культуры, на практике же в каждом углу сидел цензор и бдительно следил, не проявляется ли у конкретного автора национализм. Причем проводниками русификации зачастую были сами евреи». Гейзель также указывает на цикличность еврейской истории. Московские активисты помнили о распаде Римской и Византийской империй, где верили в официальную идеологию крепче, чем советские люди в коммунизм. Зеэв подчеркивает: «Мы не считали себя Колобком, который и от того ушел, и от этого. Мы просто ощущали, что за евреями стоит Некто, победивший греков и римлян». **jm**